

ВСЕ ЩАСТІЕ ЗДѢСЬ
ОДНА ЛИШЬ МЕЧТА,
ИЛИ
СТРАДАНІЯ
ОРТЕНБЕРГСКОЙ
ФАМИЛИИ.

Сочиненіе Г. Коцебу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

Съ Указнаго дозволенія.

СМОЛЕНСКЪ.
При Губернскомъ Правленіи
1802 года.

Укрѣпись, о страдающій!
Путешествіе твое скоро окончится.
Есть Богъ! есть Существо!
Которое украситъ твои спаданія.
Душа не умираетъ, а живетъ!
Тамъ въ высокомъ звѣздами устѣян-
номъ кругѣ!
Укрѣпись, о удрученный странникъ!
Ты здѣсь только спривуешь.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Дѣйствительной Статской
Совѣтницѣ

НАДЕЖДѢ ФЕДОРОВНѢ
ГЕДЕОНОВОЙ

Милостивой Государынѣ,

истиннымъ высокопочитаніемъ

усерднѣйше подноситъ

Изда с е л ь

И С

СТРАДАНІЯ
ОРТЕНБЕРГСКОЙ
ФАМИЛИИ.

ГЛАВА I.

Все счастье здѣсь одна лишь мечта. Долеѣ смертнаго есть страданіе; не ищи убѣжища добродѣтели: Творецъ создалъ ее для испытанія. Не уповай никогда на блескъ твоего счастья! Сего дня совѣмъ не то, что ты видѣлъ вчера; довольствуйся настоящимъ мгновеніемъ, не бойся всегда будущаго. Не
Часть I. А

гордись добродѣтелию и заслу-
гами, ибо ты критишь здѣсь по
пустолицѣ; знай, что добродѣтель
и гоненіе сопутствуютъ межъ со-
бою неразлучно по тѣхъ поръ, по-
ка утружденныхъ гостей земли сея
не приметъ со временемъ въ не-
дро свое мутный свѣтъ! Я говорю
мутный свѣтъ, однакожъ не самый
мутный въ сравненіи съ тѣмъ, ко-
торой повѣшенъ въ обширномъ про-
странствѣ творенія. Когда такъ,
странникъ! то наслаждайся ра-
достями, кои Богъ судьбѣ сотво-
рилъ столь бережно. Но не забудь,
что счастье теловѣческое есть мег-
та, а долгъ его страданіе.

Ежели жребій смертнаго до-
стоинъ былъ когда зависши; то
это есть жребій челоуѣка, пріо-
брѣтавшаго въ поппѣ лица своего
пріиспаніе себѣ и своему семей-
ству, и нынѣ бесѣдующаго за у-
мѣреннымъ ужиномъ, при пріян-
номъ увѣреніи исполненной имъ

должности, съ любимомъ своею супругою и полнымъ надежды мальчикомъ, кои лобызая текущій съ чела его потъ, улыбкою своею возбуждающъ его къ невинной радости.

Не издѣвайтесь вы, игрушки женщинъ; я не вамъ говорю, вы твари безъ цѣли, безъ сердца и безъ души. Не смѣйтесь, опорошенные книжною пылью педанши, кои отъ излишней учености такъ иссохли, что подобны деревянной вырѣзкѣ, украшающей шипло съѣденныхъ молью книгъ вашихъ: я говорю тебѣ, о человѣкъ! который держася златорыбной середины, не бросается отъ одной бездѣлки къ другой, и не зарываетъ себя на вѣки между бумагами: тебѣ, о гражданинъ и отецъ! для тебя одного начерчиваю я слѣдующую картину.

Карлъ Фридерикъ Ортенбергъ, Ректоръ школы въ В. . . , сидѣлъ въ вечеру около половины

девятого часа за блodomъ картофелей. Подлѣ него сидѣла Каролина, крошкая, услужливая женщина, а подлѣ сей, чѣтобъ составить цѣлую бесѣду, Вильгельмъ, семилѣтній мальчикъ, коего глаза возвыщали развертывающійся разумъ, а ланишы созрѣвающую невинность.

Нѣмецкой картофель былъ тогда сколько же уважаемъ, сколько нынѣ зеліе обѣихъ Индій. Свѣжее масло и соль, на закуску шарелка Боршторфскихъ яблокъ, облупленныхъ руками Каролины, и сахаренныхъ ея улыбкою, — составляли сельское ихъ кушанье, кое для небольшого любвидостойнаго семейства служило изобильною пищею.

Ужинъ окончался. Орпенбергъ раздѣлся, мать и сынъ прислуживали ему съ веселою заботливостію. Вильгельмъ принесъ зажегнутую свѣчу; Орпенбергъ сѣвши въ кресла, чистилъ у печки трубку;

Каролина прикалывала на покрытомъ клеенкою столѣ свое шитье. Вильгельмъ, держа подъ руками Геллершовой басни, старался взмоститься подлѣ нея на стулѣ, а старая, вѣрная дѣвка, единая услуга сего благоправнаго семейства, сидѣла у печи и пряла. — Сіе было самое пріятное мгновеніе, въ которое Орпенбергъ обыкновенно наслаждался домашнимъ благоденствіемъ, въ которое онъ со своею супругою разговаривалъ о разныхъ искушеніяхъ, доспавившихъ имъ сіе довольствіе и въ которое онъ начерчивалъ планъ къ воспитанію своего семейства, долженствовавшаго скорѣ пріумножиться. Въ какомъ восторгѣ находилось сердце обоихъ родителей при томъ мнѣніи, что Вильгельмъ будетъ подпорою ихъ старости; сколь много пріятныхъ вечеровъ прошекло въ семь размысленій! Обманутые чело­вѣки! за чѣмъ судьба не исполнила вашихъ мечтаній. — Почему

радости міра сего подобны сіянiю луны во время дикой бурной ночи, ежеминутно мимопроходящимъ облакомъ зашмѣвающейся; сну больного послѣ покоя чрезъ нѣсколько минушъ къ новымъ болѣзнямъ пробуждающагося; дыханiю солнца въ Апрѣлѣ, съемлющему снѣгъ съ раняго цвѣточка, который не успѣвъ распустишься отъ оживляющей теплоты его, какъ уже находится подъ тяжестью града свою могилу. Малѣйшее благополучіе не остается безъ зависти, а уединеннѣйшее довольствiе безъ возмущенiя! —

И сей вечеръ по обыкновенiю назначенъ былъ, чтобъ разговаривать о веселой будущности, спокойной старости, какъ внезапно вошедши въ комнату честный Конрадъ подалъ Ортенбергу съ видимымъ и не обыкновеннымъ смущенiемъ запечатанную цидулку.

„Что съ тобою случилось? почтенный Конрадъ,, говорилъ Ор-

шенбергъ смотря съ безпокойствомъ на беременную жену свою. А сей будучи безмолвень указаль съ дикими взглядами на цидулку и исчезъ

Каролина поблѣднѣла, душа ея предвѣщала нещастіе, дрожащія руки ея уронили на столъ шипье; она вскочивъ и держась за стулъ сына, взирала на мужа своего, который держаль еще въ рукахъ неразпечатанную цидулку, съ любопытными смутными взорами.

Ортенбергъ былъ челоѣкъ твердаго и непоколебимаго духа. Безмолвіе стараго Конрада, его странный уходъ, оставленная цидулка — образъ разговора, каковаго Конрадъ не употреблялъ еще никогда — все сіе заставляло его думать, что надъ главою его виситъ громозное облако. Каролина была слабаго сложенія и при томъ на взносѣ. Какое нѣжное поло-

женіе. Испугать ее—значило поднести ей чашу смерти.

Наконецъ Ортенбергъ рѣшившись говорить самъ себѣ: „пове-
„лѣвай своими мышцами, и что бы
„въ цидулкѣ ни стояло, подѣпись,
„чтобъ то не было чitano на
„лицѣ швоемъ. „

„Что съ тобою сдѣлалось, лю-
„безная Каролина? „ говорилъ онъ
ей, примѣтивши на лицѣ ея блѣд-
ность и дрожаніе рукъ.

„Цидулка „ — отвѣчала она
заикаясь.

Ортенбергъ (съ принужденною
улыбкою). Развѣ тебѣ цидулка
кажется шакъ страшного? (прося)
Любезная Каролина! разсуди, въ
какихъ ты находишься обстоя-
тельстввахъ. Прилично ли теперь
тебѣ дрожать отъ шума листо-
чка?

Каролина. Но Конрадовъ смут-
ный ухоть. —

Ортенбергъ. И это для тебя
не диковина. Конрадъ шарь; ста-

рые люди подобны дѣтямъ, имъ иногда кустарникъ кажется колокольнею. Помнишь ли ты, съ какимъ видомъ ворвался онъ прошлую осень, какъ въ саду обокрали большую грушу, въ комнату?

Каролина (нѣсколько негодуя). Любезный супругъ! ты и самъ по видимому считаешь цидулку важною; иначе ты уже давно бы ее распечаталъ.

„Когда ты такъ думаешь, про-
„должалъ Оршенбергъ съ видимымъ
„спокойствіемъ, то я ее сей же
„часъ распечатаю. „

Онъ привелъ себѣ на память предпринятое имъ намѣреніе и вскрылъ печать. Каролина смотрѣла безпрестанно на лице его съ испытательнымъ несчастья боящимся взоромъ; но укрѣпившійся супругъ ее не показавъ на челѣ своемъ ни единой морщины. Однако при всемъ томъ поступокъ его въ сію критическую минуточку не былъ таковъ, каковымъ бы ему

быть надлежало. Читатели мои скоро узнають содержаніе сей таинственной цидулки. Печальная оной слѣдствія, или лучше сказать Оршенберговъ въ семь случаевъ поступокъ, произведешь можетъ быть въ комъ нибудь противъ него негодованіе. Но намъ никогда не слѣдуетъ судить о дѣйствіи въ такомъ положеніи приключившемся, въ какомъ мы никогда не бывали. Оршенбергова жизнь зависела нѣкоимъ образомъ отъ сей цидулки; Каролинина жизнь была для него столь же драгоценна какъ и собственная; такимъ образомъ побужденіе къ сохраненію себя и горячая любовь были во взаимномъ между собою противоборствіи. Оршенбергъ, желая удовлетворить обоимъ симъ предметамъ, хотѣлъ спаслися самъ и сберечь свою супругу. Сіи двѣ вещи соединить было весьма трудно, или можешь быть и совѣтъ невозможно.

„Котэрой часэ, спросилъ онѣ
„прочетши цидулку и вынувши
„изъ кармана часы? Половина де-
„сятого. Мнѣ надобно пойди со дво-
„ра; „ и сброся съ себя халатъ,
одѣлся въ стрый серпукъ.

Радн Бога, закричала Кароли-
на, скажи мнѣ, что все это значи-
тъ?

Оршенбергъ не говорилъ ни
слова.

Каролина (умилительнымъ и
прогательнымъ голосомъ). Любез-
ный Оршенбергъ! съ которыхъ поръ
началъ ты опьянѣть и паиваться? Ра-
звѣ я для того только швоею же-
ною, чтобъ раздѣлять съ тобою
однѣ радости? Не часто ли я съ
тобою переносила печаль и нужду?
Не пріучило ли меня несчастье къ
страданію въ молодыхъ лѣтахъ
нашихъ? Оршенбергъ, ты хочешь
говорить, я вижу напряженіе тво-
ихъ мышцъ, но боязнь, чтобъ ме-
ня не устрашишь, удерживаетъ те-
бя отъ того.